

УДК 811.161.1

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой русского языка ПетрГУ
museum@herzen.spb.ru

Рец. на кн.: Бурмистрович Ю. Я. Важнейшие концепции современной русистики: Учебное пособие / Ю. Я. Бурмистрович. – Абакан, 2008. – 209 с.; Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: Восток – Запад, 2007. – 416 с.

Создание и издание новой учебной литературы для студентов – это всегда одна из важных задач системы университетского образования. Это тем более справедливо применительно к современному чрезвычайно противоречивому периоду в истории нашей страны, когда творческая работа и сам процесс совершенствования университетского образования объективно оказались отодвинутыми в сторону. Отрадно отметить, что вопреки всему добрые традиции в жизни высшей школы не прерываются.

Именно в этом направлении весьма показательны учебные пособия, упомянутые в названии рецензии и выполненные соответственно профессором Хакасского государственного университета Ю. Я. Бурмистровичем и профессором Воронежского государственного университета А. М. Ломовым.

При всех разделяющих их кардинальных различиях, обусловленных предметом анализа в них, их объединяют две существенные особенности, неотделимые от традиций российского университетского образования, а именно: 1) их основательность и 2) их ориентированность на обобщение как можно большего количества специальной литературы, которая в той или иной степени может быть использована в университетской подготовке филологов.

Аналитический и обобщающий подходы к существующей и вновь издаваемой специальной и серьезной литературе особенно востребо-

ванными стали в связи с активным использованием студенчеством возможностей Интернета, который не только не дает аналитических оценок предлагаемой информации, но в принципе лишен необходимой предметно ориентированной научно-методологической селекции.

Каждое из названных учебных пособий посвоему, в разной степени полно и оригинально решает собственные задачи.

Принципиально важной в учебном пособии Ю. Я. Бурмистровича представляется в первую очередь сама идея, сформулированная в названии, – дать содержательный обзор *новых существенных концепций современной русистики* как единой, но разновекторной науки.

Отрасли русистики в основном обобщаются по языковым уровням в соответствии с конституирующими их единицами – фонемой, морфемой, словом и предложением, осмысляемыми в синхронном и диахроническом аспектах. Реальных же разделов русистики получается, однако, гораздо больше, поскольку автор выделяет среди них также такие ее составные части, которые изучают феномены, не совпадающие с общепринятыми единицами языка, как, например, граммы, синтаксемы, фраземы и т. д.

Главное, кратко, но вполне содержательно излагается то концептуально новое, чем характеризуется современная русистика в качестве

высокоразвитой науки и типа филологической культуры. При этом обозреваемая специальная литература отобрана не по административно-географическому принципу, как это обычно бывает, а по ее значимости, научно-концептуальной и эвристической новизне и привлекательности.

Пособие построено как учебный комплекс и включает в себя все необходимые для студента составляющие – программу курса (с. 5–6), рекомендуемую литературу по разделам (с. 6–11), теорию и проблематику современной русистики по разным ее отраслям (с. 12–187) и практическую часть – вопросы и упражнения для самопроверки (с. 188–210).

В каждом разделе выделены нерешенные либо противоречиво решаемые центральные и периферийные проблемы, существующие варианты их решения и, наконец, новые их решения, содержащиеся в обозреваемой литературе. Во всех случаях не упускаются из поля внимания точные параметры обсуждаемой языковой единицы и языкового явления.

Иногда комментарии слишком лаконичны, иногда более развернуты, например при освещении вопросов фонологии, морфемики, теории номинации и фразеомообразования, но в любом случае полезны и интересны.

Вопросы и задания для практических занятий и самопроверки соотнесены с теоретической частью пособия и нацелены на активизацию, углубление и расширение профессиональной культуры и познавательной деятельности студентов.

В плане развития профессиональной и этической культуры студентов вполне уместным представляется и то, что авторы обозреваемой научной литературы представляются не по одним фамилиям с инициалами, но и по их именам и отчествам.

К числу технических недостатков в целом хорошо продуманного учебного пособия я бы отнес, в частности, очевидный перевес фонологического его раздела, в особенности в его исторической части. Он же и слишком сложен для восприятия, к тому же в ряде случаев излишне умозрителен. Терминологически усложненными предстают и названия разделов русистики.

Едва ли оправданно и то, что в учебном пособии по русистике вообще не оговаривается ее собственно филологическая (литературоведческая) составляющая. Речь идет не о том, что сама эта литературоведческая часть должна была быть освещена в рецензируемом пособии в какой бы то ни было форме, но о том, что русистика как разветвленный комплекс наук не исчерпывается собственно лингвистическими и паралингвистическими науками. Она по определению включает в себя и науки о литературе, о художественной речи. Это необходимо было оговорить, коль скоро учебное пособие ставило перед собой тот объем задач, который соответствовал бы его названию.

В целом учебное пособие Ю. Я. Бурмистровича – это весьма полезная для студентов и оригинально задуманная работа, по типу которой, на мой взгляд, успешно можно читать соответст-

вующий спецкурс для старших студентов, получающих квалификацию специалиста или магистра в области русской филологии.

Совершенно иного плана учебное пособие А. М. Ломова. Это словарь-справочник со всеми вытекающими отсюда последствиями, к тому же ограниченный рамками синтаксиса современного русского языка. По замыслу автора, он предназначен не только для студентов-филологов, вузовских и школьных преподавателей, но и для «широкого круга лиц, интересующихся проблемами научного осмысления родного языка».

Словарь-справочник включает в себя более 900 словарных статей, в которых последовательно, систематизированно, аналитически подаются основной понятийный аппарат и терминологический фонд современного русского синтаксиса в его наиболее распространенных вариантах.

Словарные статьи, как и следовало ожидать, неравноценны по объему. Некоторые из них состоят из нескольких слов (см., например, статьи «Восклицание» – с. 46; «Сверхфразовое единство» – с. 288 и др.), другие представляют собой целые развернутые очерки, к тому же не лишённые и элементов полемики (см., например, статьи «Безлично-инфинитивное (функтивное) предложение» – с. 23–26; «Бессоюзное сложное предложение» – с. 27–30; «Номинативное (назывное) предложение» – с. 160–166; «Связка» – с. 289–293; «Синсемантическое (синсемантическое) придаточное предложение» – с. 300–304; и т. д.).

Проектирование и создание подобного типа словарей – дело трудное и во многом неблагодарное именно потому, что слишком разнородны как научный материал, подлежащий «укладыванию» в словарь, так и соответствующие концептуальные подходы, полученные на их основе конкретные результаты, которые существенно разнятся между собой.

Автор вполне отдаёт себе отчет в этом, хотя, кажется, несколько преувеличивает место импрессионистического начала в науке. Если согласиться с его сравнением науки с «образцом находящейся в разгаре стройки, которая к тому же ведется без заранее составленного проекта» (с. 3), то вопрос о науке вообще отпадает, не говоря о ее «импозантности». Как быть в таком случае с научной методологией, неизменно предполагаемой научной концептуальной базой, без которых никакая серьезная наука, куда относится и языкознание, невозможна? Ведь факт присутствия в серьезных синтаксических работах такой методологии, концептуальной базы не требует доказательств – он очевиден. Ярчайшие тому подтверждения – блистательные и полнейшие по охвату языкового материала синхронно-синтаксические исследования современного русского языка, выполненные А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским, а вслед за ними с учетом теоретических установок В. В. Виноградова – и в «Грамматике русского языка» АН СССР 1960 года. Это базовые работы, заслуженно определяющие облик русской науки XX века о синтаксисе современного русского языка. Положе-

ния, тезисы, многие гипотезы, высказанные в этих работах, результативно питали действительно массовую науку о современном русском синтаксисе на протяжении целого столетия. При таком положении дел едва ли правомерно сравнивать синтаксическую науку с какой-то затяжной стройкой, выполняемой бессистемно и вслепую («без проекта»). Такая оценка не может не быть предвзятой и слишком субъективной.

К сожалению, именно об этом свидетельствуют многие статьи «Словаря-справочника», в которых собственно научные синтаксические толкования, составляющие суть серьезной общепризнанной специальной литературы, не отграничиваются от тривиальных и неудачных переименований, квалифицируемых его автором как предпочтительные. Так, в статье «Односоставное предметное предложение» утверждается, что это сравнительно недавно введенный новый термин для обозначения номинативного предложения, который объявляется «более предпочтительным», поскольку он не содержит отсылки на латинское название именительного падежа и не «противоречит тому факту, что именительный падеж существительного при отрицании последовательно заменяется родительным: *За домом было озеро – За домом не было озера; У меня есть такая возможность – У меня нет такой возможности*». Но парадокс состоит в том, что приведенные иллюстрации не имеют никакого отношения к номинативным предложениям. Что же касается внутренней формы слова *номинативное*, в которой автор, по-видимому, усматривает нежелательный морфологизм, то тот же морфологизм проглядывает и в слове *предметное*, соотношенном со словом того же латинского *substantivum*, с той только существенной разницей, что в языке, в котором нет номинатива, не может быть и номинативного предложения. И в принципе логически неверно противопоставлять формальную односоставность содержательной односоставности, ибо синтаксис имеет дело исключительно с формальной односоставностью (см. с. 208). Аналогично обстоит дело и с терминологическими выражениями «односоставное признаковое предложение» и «односоставное процессное предложение» вместо органичного для них общего единого термина «безличное предложение» (с. 209–211). Дело в том, что безличное предложение – это результат исторического свертывания прежних синтаксических реалий: сфера безличного предложения начинается там, где прежние связи перестают существовать. Поэтому классификации современных безличных предложений не могут строиться на реконструированных формах.

Или еще: «Инфинитивное (дебитивное) предложение» характеризуется как «тип содержательно односоставных предложений» (с. 115), что в корне неверно, поскольку в них как раз содержательно присутствуют оба состава, о чем свидетельствует вся русская лингвистическая литература с 60-х годов XIX века и XX века.

Именно содержательно инфинитивное предложение всегда двусоставно, поскольку в нем действии инфинитива обязательно соотносится с дательным падежом субъекта. Модальное значение необходимости инфинитивного предложения было установлено не К. А. Тимофеевым «еще полстолетия назад», а многими русскими исследователями еще сто лет назад.

В том же плане характерно и чрезвычайно путаное толкование «безлично-инфинитивного (функционального) предложения» (с. 23–26): «Тип содержательно односоставных предложений, констатирующих существование / несуществование реалий, для экспликации которых язык прибегает к косвенной номинации, квалифицируя эти реалии не путем отсылки к тому или иному частеречному значению (как это наблюдается в основной массе односоставных предложений), а путем указания на выполняемую ими функцию: *У них есть с кем посоветоваться; Отцу было о чем рассказать*».

Выделение отдельного, так называемого функционального предложения неоправданно уже потому, что нефункцивных, то есть лишенных функций, предложений не бывает в принципе. Что же касается его истории, то вряд ли имело смысл импровизировать ее: она подробно и доказательно воссоздана А. А. Потебней в его знаменитом труде «Из записок по русской грамматике».

Некоторые синтаксические понятия в «Словаре-справочнике» едва ли выходят за рамки метаязыковых окказионализмов, ср., напр., *обратное согласование* (с. 183). Если согласование – это формально-грамматическое уподобление одного слова другому, то обратное согласование должно бы означать нечто противоположное, но в действительности речь идет о случаях типа *Это была кошка*, в которых ничего «обратного» нет. Такими же окказионализмами-плеоназмами являются и сочетания «прямое согласование», «рассогласованное высказывание» (с. 284), «непредикативная связь», «непредикативное словосочетание», «непредикативные отношения», «непрямое дополнение», «несвободное сложное предложение» и др.

В целом «Словарь-справочник» не столько констатирует, отстраненно систематизирует понятийно-терминологическую базу современного русского синтаксиса, как это принято в словарной практике, сколько заинтересованно оценивает ее, включая и те ее разновидности, которые не всегда являются узально утвердившимися. Тем самым он явственно тяготеет к жанру руководства по синтаксическому терминопотреблению.

Замечания-рассуждения по «Словарю-справочнику» можно было бы продолжить, что является, на мой взгляд, лучшим подтверждением его востребованности и полезности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – проект № 06-04-00024а («Взаимодействие грамматики и стилистики в развитии русского синтаксиса XI–XX вв.»).